

УДК 331

Нарратив в поле культурологического интереса: находки и перспективы

Серенков Юрий Сергеевич

Доктор культурологии,
профессор кафедры английского языка и методики преподавания
Новокузнецкого института-филиала
Кемеровского государственного университета,
654041, Российская Федерация, Новокузнецк, ул. Циолковского, 23;
e-mail: juriyy-serenkov@rambler.ru

Аннотация

Сочетая элементы научного обзора с исследованием эвристического потенциала нарративных исследований с теоретических позиций отечественной культурологии, автор статьи критически рассматривает идею создания универсальной дефиниции нарратива, прогнозирует последствия формалистской догматизации философской сути нарратива, касается вопроса о функционировании нарратива в культурах различных типов. В попытке пересмотра причин дифференциации понятий «нарратив» и «наррация», автор, обратившись к анализу данных ряда нарратологических исследований, указывает на критичность характеристик «мнемоничности» и интерактивности для различения этих понятий. Акцентируя перформативную природу нарративного конструирования не только человеческого «я», но и культурной реальности в рамках различных сообществ, автор останавливается на раскрытии понятий нарративного присоединения, нарративного ускользания, нарративного прироста в связи с намечаемыми в статье векторами поиска ответов на ряд методологически важных вопросов. Среди них – вопрос о культурных основах деятельности повествующего, ценностях и нормах, регулирующих форму и содержание нарратива в различных социокультурных контекстах. Рассматривая исследования нарратива за рубежом, автор находит примеры осмысления российскими культурологами предметного поля междисциплинарных нарративных исследований в процессе их работы над проблемой конструирования социальной и культурной реальности. Материал статьи также касается по-прежнему открытых проблематик культурной и социальной идентичности, традиции и инновации в культурах.

Для цитирования в научных исследованиях

Серенков Ю.С. Нарратив в поле культурологического интереса: находки и перспективы // Культура и цивилизация. 2016. Том 6. № 5А. С. 377-389.

Ключевые слова

Культурное многообразие, социальный и культурный контексты, нарратив, наррация, нарративное конструирование реальности, нарративное присоединение, нарративное ускользание, нарративный прирост, культурологическая рецепция нарратологических теорий.

Введение

Междисциплинарный пафос современной культурологии, стремление культурологов к повышению прагматического рейтинга исследований – причины, в силу которых обращение к нарративу как культурологической теме представляется оправданным. Данная статья может быть полезной исследователям, разрабатывающим злободневные культурологические темы – такие, как культура и безопасность, стратегическая культура этноса и нации, культурная и социальная идентичность в меняющемся мире, традиция и инновация в культурах. Нарратив можно рассматривать в качестве значимого аспекта всех перечисленных тем, поэтому нашей исходной задачей являлся поиск путей сближения нарратологической линии, ассоциируемой по преимуществу с постструктурной лингвистикой, с актуальными линиями культурологического поиска наших дней. Для этого нами, во-первых, была предпринята честная попытка пересмотра причин дифференциации понятий «нарратив» и «наррация» с культурологических позиций. Во-вторых, в статье представлены и проиллюстрированы новые в отечественном исследовательском обороте понятия нарративного присоединения, нарративного ускользания, нарративного прироста, свидетельствующие о стабилизации присутствия нарративной проблематики в исследованиях культуры за рубежом. В-третьих, материал статьи дает представление о рецепции ряда идей зарубежных исследований культурного бытования нарратива отечественным гуманитарным пространством.

Об уместности определения нарратива в культурологии

Культурологу, обратившемуся в той или иной связи к вопросу повествования, полезно иметь представление об общей интеллектуальной почве, которая дает возможность писать о нарративе представителям самых разных дисциплинарных областей. Сначала рассмотрим одну показательную дилемму. Эта дилемма касается самой идеи создания универсальной дефиниции нарратива, пригодной как для исследователей лингвистического феномена повествования, так и для философов, социологов, антропологов, психологов.

С одной стороны, в 90-е гг. прошлого века и первое десятилетие века текущего отечественными и зарубежными учеными было немало сделано в направлении поиска нового, единого и согласованного, определения нарратива. В связи с этим следует особо отметить монографии и статьи Л.А. Гоготишвили, В.И. Тюпы, Б.А. Успенского, публикации А. Лех-

циера в рамках издательского проекта «Нарративный поворот», книги и статьи Дж. Брунера, Э. Окс с соавторами, энциклопедическую статью Х. Миллер, вводное эссе Э. Либлич в сборнике тематических статей о нарративе [Гоготишвили, 2006; Тюпа, 2002; Успенский, 2000; Лехциер, 2013; Bruner, 1991; Ochs, 2002; Miller, 1995; Lieblich, 1994]. Обобщить достигнутое можно, процитировав дефиницию (или «открытое понятие») нарратива из статьи А. Лехциера: «<...> нарратив – это рассказ кого-то, адресованный кому-то о ком-то или о том, что что-то произошло или не произошло, происходит или не происходит, случится или не случится. Кроме того это всегда рассказ зачем-то. То есть рассказ интерсубъективен (...кому-то), интенционален (...о чем-то) и аксиологичен (...зачем-то)» [Лехциер, 2013, 7].

С другой стороны существует движение, сторонников которого, в первую очередь, интересует вопрос о социальном и культурном статусе как «носителей», так и исследователей нарратива, а также о возможных последствиях «догматизации» его сути. За сугубо аналитическим с виду вопросом о формальных критериях нарратива стоят разнородные причины. Одни из них происходят вследствие увлечения ряда влиятельнейших писателей XX в. повествовательным приемом «потока сознания», введения фигуры «недостовверного» рассказчика (*unreliable narrator*) в произведениях писателей (не только англоязычных) 30-90 гг. XX в. – от У. Фолкнера до Т. Пинчона, от «магических» реалистов до прозаиков трансгрессивной ориентации. Несколько читательских поколений, в том числе и российских, выросли на этих книгах, и, что не исключено, из их рядов могли выйти многие современные исследователи нарратива. Другие причины могли быть обусловлены неоднородностью социального пространства, которое доступно непосредственному наблюдению каждого в нем находящегося. Разговоры престарелых, (неизлечимо) больных, зависимых от алкоголя и наркотиков или находящихся в состоянии алкогольной и наркотической интоксикации; разговоры людей, осваивающих новую, и потому вызывающую противоречивые психологические реакции культурную среду; разговоры сектантов, представителей субкультур. Все эти разговоры дают почву для размышления не только социолингвистам, но и исследователям культуры, которые – каждый с позиций своего дисциплинарного аппарата – достаточно скоро осознали эвристический потенциал интерпретативной работы с этими разговорами.

Например, А. Фрэнк в имевший немалый научный резонанс книге «Увечный рассказчик» поднимает вопрос об универсальных составляющих нарратива, таких как начало и конец рассказа, события, определяющие его тему, культурные коннотации, делающие возможным понимание его сути. По мысли этого исследователя, не все рассказчики могут (и не все обязаны) ориентироваться на универсалии, которые мы обнаруживаем, слушая, например, здоровых и образованных людей, сознательно творящих повествование в присутственном пространстве. «Увечные» тоже повествуют, но идиосинкразия их повествований может стать непреодолимой преградой на пути к пониманию их рассказов даже теми, кто желает понять. Рассказы «смешиваются, включая в себя непредсказуемые нарративные линии» [Frank, 1995, 76]. Следовательно, здесь необходим особый аналитический инструментарий.

Представляется, что лучшее решение «проблемы» нарратива можно найти, обратившись к самому вопросу, а не ответу на него, думая при этом о конкретной области знания, породившей вопрос. Нарратив, как и дискурс, трудно (либо невозможно) свести к какой-либо единой значимой сути. Так в 80-е – 90-е гг. XX в. (пиковый период интереса к дискурсу, или период так называемого дискурсивного поворота в гуманитарных науках) исследователей интересовали не столько сущностные характеристики, сколько функциональные и регулятивные свойства дискурса. Вопрос, следовательно, был не в том, что такое дискурс, а в том, что он выполняет, как он функционирует, в чем выражается его социально-регулятивное воздействие дискурса и каким образом он влияет на мышление.

Схожим образом можно взглянуть и на нарратив. Нарративы, будь они длинными и запутанными, либо короткими и простыми, привлекают слушателя открытостью. Потому что сам акт повествования – это своего рода знак приглашения слушать, включиться в процесс построения рассказа, пытаться уловить иносказательность в фабульном построении, установить связь между «конструкцией» рассказа и структурой среды (как духовной, так и материальной), которая его порождает. Нарратив – это, неизбежным образом, языковая структура. Все нарративы обладают синтаксисом, в них, как и в литературном повествовательном произведении, обнаруживается сюжет, действуют персонажи, волей и логикой рассказчика происходящее наделяется событийностью, выстраивается в определенной последовательности и т. д. При этом нарративы содержательны, реальны, заполнены. Нарративы «говорятся» конкретными людьми, поэтому нередко изобилуют слэнгом; в них звучат разговорные выражения, слышатся характерным образом построенные фразы, возникают и длятся паузы. Коммуникативная реализация нарратива зависит от того, когда и где он звучит, кто является его «источником». Но для нарратива характерен и внутренний контекст, поэтому ответы на вопросы «когда», «где» и «кто» нередко содержатся в нем самом. Нарративы – это и «плод», и «почва». Они, безусловно, являются продуктом индивида и общества, но индивид и общество, в определенной степени, являются продуктом нарратива. В связи с этим стоит вспомнить броские англоязычные исследовательские клише, подобные «narrative construction of Self», либо «narrating the nation». Нарративы социальные, так как могут быть местными, национальными, глобальными. Нарративы «гендерны»: феминные, маскулинные, и какие угодно еще. Перечень свойств нарратива, очевидно, неисчерпаем, но и частичное их перечисление уже указывает на широту дисциплинарных границ, внутри которых нарративные исследования уместны и полезны.

Что, в свою очередь, наводит на мысль о том, что исследователи, интересующиеся нарративом, вправе пересекать дисциплинарные границы, чтобы всесторонне охватить неоднозначный феномен. Именно это и происходит. Социолингвисты, например, создавая теорию идентичности, изучают языковые «практики». Антропологов с социологами интересует, в силу каких причин локальные нарративы могут «соглашаться» с глобальными нарративами, либо вступать с ними в диссонансную связь. Социальные психологи связывают нарративы

с конструированием, либо консолидацией своего «я». А исследователи культуры с позиций теории культурного анализа (речь о западном, преимущественно североамериканском дисциплинарном направлении Cultural Studies) рассматривают нарративы как доступный полевой материал, отражающий процесс дискурсивной формации, стабилизации, либо деструктуризации социальных категорий («маргиналы», «бедные», «гетеросексуалы» и т. п.).

Подобная многоликость нарратива превращает его в потенциальный объект культурологического анализа, в ходе которого могут быть получены (и, отчасти, уже были получены другими исследователями) ответы на вопросы о культурных основах деятельности повествующего и исследующего нарратив, ценностях и нормах, регулирующих форму и содержание нарратива, который выглядит типичным, либо нетипичным в рассматриваемом социокультурном контексте. Также исследование нарратива может дать ответ на вопрос о повествовательном уровне, на котором происходит конструирование социальной и культурной реальности и элементах культуры, оказывающих регулирующее и определяющее воздействие на практику передачи и наследования умения повествовать.

Проблемы повествования как действия и действия как повествования

Говоря о культурных основах деятельности повествующего следует, во-первых, вдуматься в различие понятий «narrative» и «narration». Нарративы – продукты повествования, или наррации как общественного вида деятельности. Нарративы не могут материализоваться. Будучи продуктом, они остаются ментальными, мнемоническими. В качестве подобного продукта можно представить и «Психею» [Гачев, 2008, 199] субъекта национальной культуры. Но Психея ведет за собой и «субстанцию» человека. Схожесть человека, достигающего своих цивилизационных высот благодаря преобразующему воздействию «пятого элемента», культуры, с нарративом была замечена давно. Так древние кельты (оставившие, кстати, после себя непревзойденные шедевры нарративного искусства – саги, вошедшие в те или иные традиционные «циклы») сравнивали человека с нарративом. В современном кельтском мире широко известны слова ирландского святого Колума Килле, жившего в VI в., в которых этому сравнению придается теологический окрас: «Если стихи поэтов не более чем повести, / То питье наше, еда и одежда – тоже повести, / И весь мир наш – повесть, / И человек что создан из праха, – повесть» [Рис, 1999, 392] (перевод Т.А. Михайловой).

Но повесть нужно рассказать, исполнить, а сделать это может только человек – недаром американский философ А. Макинайр считает, что «человек в своих действиях, на практике и в вымыслах представляет животное, которое повествует истории» [Макинтайр, 2000, 291-292]. Зная, что нарративное конструирование своего «я» имеет перформативную природу, исследователи нарратива уделяют немалое внимание раскрытию социальных и культурных смыслов составляющих процесса повествования, представляя процесс создания повествования равным по важности продукту, т. е. нарративу. Одной из интересных частных в ис-

следовании этой линии нарративной проблематики является анализ сходств и отличий нарратива и «наррации» как процесса создания нарратива (по аналогии с осознанием сходств и различий между делом и словом). Так, социолог П. Эткинсон считает, что «строгий дуализм того, что люди делают и что люди говорят, в лучшем случае не поможет, а в худшем будет неправдой» [Atkinson., 2003, 108]. Точка зрения П. Эткинсона и соавторов в том, что человеческие действия становятся понятными благодаря наррации как процессу создания рассказа во времени и пространстве; рассказы о собственных действиях нужны для осмысления того, что мы делаем. Следовательно, «делание» – это «говорение». Но устные повествования приходят к бытию через акт наррации. Следовательно, «говорение» – это «делание».

Подобная точка зрения дает возможность видеть нарратив в качестве интерактивного «продукта». Нарративные действия ведут в результате к концептуализации не только собственного «я», но и релевантных такому «я» социальных связей. Исследователи нарратива Дж. Холстейн и Дж. Габриэм очерчивают несколько характерных стратегий, к которым прибегают рассказчики, созидаящие в процессе повествования свое общественное «я», выстраивающие такую индивидуальность, которая выгодным образом вписалась бы в окружающий социальный мир. Первой стратегией является «нарративное присоединение» (narrative linkage) [Holstein, Gubrium, 2000, P. 108], когда любые когерентные темы и структуры (биографические частности, ситуационные параллели) увязываются с основным предметом повествования. При этом нарраторы манипулируют в рассказе повествовательными временами, соединяя фрагменты «отчета» о настоящем, прошедшем и будущем таким образом, чтобы самопрезентация, сохраняя желательные для повествователя черты, в то же время производила впечатление логики и последовательности. «Нарративное ускользание» (narrative slippage) [там же, 109] – еще одна стратегия, к которой рассказчики прибегают, чтобы обмануть ожидание слушателей, избежать ожидаемых слушателями линий развития рассказа, либо, напротив, выйти на знакомые слушателям определенной культурной принадлежности структурно-повествовательные образцы, чтобы донести до них хотя бы часть смысла говоримого. Примером «нарративного ускользания» может быть повествование рассказчика, ставшего жертвой мошенничества. Предсказуемым образом, у слушателя подобного рассказа должен оформиться соответствующий характерному зачину «горизонт ожидания», на котором – виктимизация, становление рассказчика жертвой вследствие обмана. Соответственно, представление рассказчиком себя в качестве жертвы было бы логичным и убедительным. Рассказчик, однако, вскоре уходит от «линии» story of victimization. В поисках идентичности, которая не так печальна, либо постыдна, рассказчик «ускользает» в сторону «линии» выживания, ориентируясь уже на конвенции повествования о реализации рассказчиком потенциала находчивости, повествования о выживании – story of survival. Подобный пример указывает на агентивную природу нарратива, свидетельствуя о том, что определенная культура действительно предоставляет рассказчику средства для создания повествования, но рассказчик сам решает, какие средства использовать, а от каких отказаться,

опять же, в силу определенных культурно обусловленных причин. Задача культуролога – предположить эти причины. Если предположение будет проверено эмпирически и оформится в теорию, культурология обогатится новым направлением – назовем его «культурологией искренности».

Но в связи с этим возникает вопрос о том, на каком повествовательном уровне происходит конструирование социальной (и культурной) реальности. Ряд специалистов в области анализа разговора (Дж. Херитидж, Дж. Холстейн и Дж. Габриэм; Х. Сакс) [Heritage, 1984; Holstein, Gubrium, 2000; Sacks, Schegloff, Jefferson, 1974] считают, что механизмы конструирования социальной реальности обнаруживаются именно на микроскопическом уровне обычного разговора. Другие исследователи-теоретики опровергают, либо пересматривают подобное заявление, говоря, что столь узкий фокус исключает возможность обзора социальной жизни в ее общем проявлении. Но, так или иначе, свойства и формы нарратива остаются плодотворной темой для исследования в области социальных наук. Социолингвисты концентрируют исследовательское внимание на т. н. социолингвистической вариативности. Что, по сути, подразумевает стилистическое исследование речи, в котором рассматриваются просодия, лексикон, синтаксис. Так социолингвист П. Экерт отчасти ставит перед собой задачи этнографа в ходе исследования социолингвистических вариантов речи в среде девочек отроческого возраста в одной из школ высшей ступени в штате Нью-Джерси. При этом цель П. Экерта состоит в том, чтобы соединить лингвистические исследования повествовательных структур с практико-ориентированным социологическим исследованием. Она пишет, что «вариация – это лингвистический процесс, который неотделим от социального процесса» [Eckert, 2000, 44]. Исследуемые ею группы учащихся в выбранной школе высшей ступени, которые идентифицируются П. Экерт в качестве девушек, относящихся к жизни как игре, спорту – «jocks» и девушек, чувствительных к романтической ауре неиспытанного, либо испытанного, но не в желаемой мере «состояния измененного сознания» – «burnouts». И те, и другие, естественным образом, прибегают к нарративу в своих каждодневных разговорах. Исследователю, получившему доступ к этим разговорам, и могущему дифференцировать нарративную речь в ее стилистическом аспекте, открылись значимые – и до той поры не явные – элементы социальной реальности, которую наполняющие обозначенные условные группы лицеистки и «сконструировали» и приняли в качестве объективной данности.

Исследователь Н. Бесниер также перекидывает мост от лингвистического к социальному, изучая специфику использования косвенной речи у полинезийского народа нукулаэлаэ, проживающего на «маленьком изолированном коралловом острове среди островов группы Тувалу» [Besnier, 1992, 164-165]. Н. Бесниер рассматривает косвенную речь не только в качестве лингвистического феномена, но и как «авторскую» практику непосредственного, либо опосредованного цитирования, обусловленную потребностью в активной коммуникации при достаточно сложной системе коммуникативных запретов, сформированной в культуре нукулаэлаэ. Как и П. Экерт, Н. Бесниер исследует связь между структурными свой-

ствами «живого» нарратива и специфическими социально-культурными реалиями жизни исследуемой группы людей, в данном случае – необразованных взрослых островитян.

Исследования нарративных структур и социальных практик обильны, как обильны и исследования, касающиеся форм нарратива. Говоря о формах, следует помнить о ряде «бинарных оппозиций», возникающих при анализе нарратива, без которых как социолингвисту, так и культурологу будет трудно, если вообще возможно, прийти к плодотворному исследованию нарратива. Назовем наиболее значимые из них: (нарратив) личный / общекультурный, заурядный / выдающийся, местный / общенациональный. В условный сектор личных нарративов входят различные речевые повествования – это могут быть как повествования, возникающие в процессе каждодневного общения, разговоров «обо всем понемногу», так и, например, рассказы интервьюируемых, отвечающих на вопросы «о себе», «о своей жизни».

С другой стороны, нарративы, относящиеся к культуре (если так можно интерпретировать термин «cultural narratives», используемый Дж. Брунером [Bruner, 1991, 19]), являются повествованиями особого вида. Они нацелены на раскрытие культурных и социальных смыслов, которые разделяют участники многочисленных групп и сообществ. В статье «Нарративное конструирование реальности» Дж. Брунер обосновывает связь личных нарративов с общекультурными нарративами. Для этого он прибегает к понятию «нарративного прироста» (narrative accual). «Нарративный прирост» происходит в процессе перехода количества в качество, который, в данном случае, сопряжен с аккумуляцией индивидуальных (личных) нарративов. В результате формируются общекультурные нарративы или «коллективные сентименты» [там же].

Нарративные формы, определяемые географической принадлежностью, схожи с набором, образующим предыдущую бинарную оппозицию. В качестве местных нарративов можно представить рассказы, которыми обмениваются участники малых групп (в том числе, внутри наций), тогда как национальные нарративы приписываются единым и сплоченным национальным сообществам. На практике общенациональные нарративы, как правило, противоречат местным, сохраняя лишь определенную «созвучность» с последними. Поэтому в общенациональных нарративах можно обнаружить и общие места, которые, в потенциале, будут понятны членам разных групп и сообществ внутри нации. Установка создателей общенациональных нарративов (а создателем, как правило, выступают средства массовой информации) в том, чтобы, как считает исследователь Р. Джейкобс, создавать и поддерживать «инстанции» истины в частном и общем смысле, «заглушая» противоречивый «хор» местных нарративных «голосов». В своем исследовании нарративной дихотомии «местное / общенациональное» [Jacobs, 2000] Р. Джейкобс приводит пример беспорядков в Лос-Анжелесе в 1992 г. Цель исследователя состоит в том, чтобы показать, как общенациональные нарративы формируют истолкование происходящего на местах. В данном случае, общенациональные нарративы были построены таким образом, что инцидент приобрел окрас локализованной проблемы, обусловленной вспышкой хаотического насилия.

Также беспорядки объяснялись общественным напряжением, возникшим в период ожидания результатов суда над Родни Кингом. Виновниками беспорядков выставлялись либо расист-полицейский Марк Фурман, либо расисты, бывшие среди присяжных. Авторитетное, «доминирующее» звучание общенациональных нарративов, выстроенных профессионалами масс-медиа, «заглушило» местные нарративные голоса пытавшихся представить происшедшее либо в качестве реакции масс на институционализацию расизма, либо в качестве свидетельства бедственного положения масс.

Заключение

Завершая разговор о нарративном конструировании социальной и культурной реальности, сошлемся на цитату из предисловия Б. Маннгейма и Д. Тедлока в сборнике статей «Диалогическое появление культуры»: «Культуры непрерывно производятся, воспроизводятся и пересматриваются в диалогах, которые происходят между носителями-участниками культур. События, отмеченные узнаваемой культурной принадлежностью, не есть сумма действий всех причастных данной культуре, ведь любое из этих действий лишь выражает предустановленный, до начал самосознания каждого индивидуального бытия оформившийся паттерн. События же являются сценами, на которых возникает общая культура, и возникает она во взаимодействии» [Mannheim, Tedlock, 1995, 2]. Если продолжить мысль этой цитаты, получится, что индивид и общество существуют в пошаговом взаимодействии, и именно это взаимодействие критично для нарративного конструирования реальности. Которое, заметим, происходит на уровне использования устоявшихся нарративных структур. Что, в свою очередь, ведет нас к более полному осознанию важности междисциплинарного исследования нарратива для понимания главных закономерностей происхождения и текущего существования социальной и культурной жизни. Но как именно использовать нарратив, чтобы дать точный ответ на вопрос, связанный с этими важными закономерностями, сказать нелегко.

Поэтому, переходя к заключению, попробуем обратиться к явлениям культуры, сопряженным с редко рассматриваемыми нарративными практиками, подобным сплетням. В 2008 г., выступая во время обсуждения за одним из «круглых столов» международной конференции «Этнология – антропология – культурология: Новые водоразделы и перспективы взаимодействия», доктор филологических наук, профессор С.А. Арутюнов, сославшись на прочитанную им в американском научном издании статью, посвященную сплетне в орегонском городке, предложил представить маленький городок в России, населенный разными людьми, занятыми разными делами [Арутюнов, 2009]. Сплетня, что вполне предсказуемо, может стать явлением, занимающим не последнее место в жизни такого городка. Полушутя, полувсерьез ученый предложил участникам круглого стола направления, тематически соотносимые с разными дисциплинарными областями. Среди участников кру-

глого стола – социологи, этнологи, литературоведы, психологи, искусствоведы, культурологи. Социологи, по мысли С.А. Арутюнова, могли начать изучать сплетню как механизм социальной когезии в маленьком российском городке. Также – в качестве инструмента и фактора профессиональной стратификации жителей городка. Этнологи могли попробовать найти финансовую поддержку, выиграв грант на осуществление исследовательского проекта «Эндо и экзосплетня в балансе этнорасовых взаимоотношений в небольшом поселении городского типа». Нарративная этнография, с целью популяризации своих методов и обновления арсенала жанровых форм, могла быть представлена, в русле данного проекта, коллекцией анонимных комментированных автобиографий сплетников и сплетниц. «Культурологи от литературоведения» могли начать исследование, углубляя тему «Городская сплетня как жанр фольклора», тогда как «культурологи от философии» могли бы заняться исследованием истории и современных форм бытования сплетни как культурного феномена. По факту реализации групповых проектов, общими усилиями можно было бы создать коллективную монографию «Культура сплетни» [там же, 25-32].

Несмотря на шуточный тон и узкий предметный фокус – речь всего лишь о возможности изучения одного, причем специфического нарративного уровня – уровня сплетни, выступление С.А. Арутюнова содержит, как представляется, определенную долю здравого смысла – как и набросок схемы взаимодействия специалистов, причастных процессу развития нарративной ветви отечественной культурологии.

Таким образом, культурология может иметь свою точку зрения на использование нарратива, определять свои подходы в общем русле нарративных исследований человека в культуре, не ограничиваясь механическим сочетанием методологий, заимствованных у психологов, социологов, лингвистов. Уже в текущем десятилетии, как и в более дальней перспективе, нарративная тема в культурологии может стать одной из наиболее актуальных.

Библиография

1. Арутюнов С.А. Взгляд и нечто на культуру человека и человека культуры // Этнология – антропология – культурология: новые водоразделы и перспективы взаимодействия. Материалы международной научной конференции. 2009. С. 25-32.
2. Гачев Г. Ментальности народов мира. М.: ЭКСМО Алгоритм, 2000. 544 с.
3. Гоготишвили Л.А. Непрямое говорение. М.: Языки славянской культуры, 2006. 720 с.
4. Лехциер В.Л. Нарративный поворот и актуальность нарративного разума // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 1(10). С. 5-8.
5. Макинтайр А. После добродетели. Екатеринбург: Деловая книга, 2000. 384 с.
6. Рис А. Наследие кельтов. Древняя традиция в Ирландии и Уэльсе. М.: Энигма, 1999. 480 с.
7. Тюпа В.И. Очерк современной нарратологии // Критика и семиотика. 2002. № 5. С. 5-31.
8. Успенский Б.А. Поэтика композиции. СПб.: Азбука, 2000. 352 с.

9. Atkinson P., Coffey A., Delamont S. Key Themes in Qualitative Research. Walnut Creek, CA, 2003. 246 p.
10. Besnier N. Reported Speech among the Nukulaelae Atoll // Responsibility and Evidence in Oral Discourse. Cambridge, 1992. P. 161-181.
11. Bruner, J. Narrative Construction of Reality // Critical Inquiry. Autumn 1991. P.1-21.
12. Eckert P. Linguistic Variation as Social Practice. Malden, MA, 2000. 243 p.
13. Frank, A. The Wounded Storyteller. Chicago, 1995. 213 p.
14. Heritage J. Garfinkle and Ethnomethodology. Cambridge, 1984. 336 p.
15. Holstein J., Gubrium J. The Self We Live By: Narrative Identity in a Postmodern World. NY, 2000. 273 p.
16. Jacobs R. Narrative Civil Society and Public Culture // The Uses of Narrative: Explorations in Sociology, Psychology, and Cultural Studies. New Brunswick, 2000. P. 18-35.
17. Lieblich A. Introduction // Exploring Identity and Gender: Narrative Study of Lives. Thousand Oaks, CA, 1994.
18. Mannheim B., Tedlock D. Introduction // The Dialogic Emergence of Culture. Urbana, 1995. P. 1-31.
19. Miller H. Narrative. Critical Terms for Literary Study. Chicago, 1995. P. 66-79.
20. Ochs E., Capps L. Living Narrative: Creating Lives in Everyday Storytelling. Cambridge, MA: 2001. 353 p.
21. Sacks H., Schegloff E., Jefferson G. A Simplest Systematics for the Organization of Turn-Taking in Conversation // Language. 1974. № 50. P. 696-735.

Narrative in the field of cultural interest: findings and prospects

Yurii S. Serenkov

Doctor of Culturology, Professor,
Department of English language and teaching methods,
Novokuznetsk Institute (Branch) of Kemerovo State University,
654041, 23 Tsiolkovskogo st., Novokuznetsk, Russian Federation;
e-mail: juriyy-serenkov@rambler.ru

Abstract

Combining elements of scientific review with the study of the heuristic potential of narrative research heuristic potential of narrative research from theoretical positions of national

cultural studies, the article critically examines the idea of creating a universal definition of narrative, predicts the consequences of the formalist dogma of the philosophical essence of the narrative concerns, and raises the question of narrative functioning in cultures of various types. In the attempt to review the causes of the differentiation of the terms "narrative" and "narration", the author, referring to the data analysis of a number of narratological research, points to the criticality of the characteristics of "mnemonically" and interactivity to distinguish between these concepts. Talking about the performative nature of narrative design not only of human "I", but also of the cultural reality within various communities, the author emphasizes on the disclosure of the concepts of narrative attach, narrative escape, narrative growth proposed in the article vectors of search of answers to a number of methodologically important issues. Among them, there is the question about the cultural basis of the activity of narrating, values and norms governing the form and content of narratives in different cultural contexts. Examining the narrative research abroad, the author finds examples of understanding by Russian scientist subject field of interdisciplinary narrative studies in the process of their work on the problem of constructing social and cultural reality. The article also applies to the still open problems of cultural and social identities, tradition and innovation in cultures.

For citation

Serenkov Yu.S. Narrativ v pole kul'turologicheskogo interesa: nakhodki i perspektivy [Narrative in the field of cultural interest: findings and prospects]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 6 (5A), pp. 377-389.

Keywords

Cultural diversity, social and cultural context, narrative, narration, narrative construction of reality, narrative linkage, narrative slippage, narrative accrual, narratological theory reception in culturology.

References

1. Arutyunov S.A. (2009) Vzglyad i nechto na kul'turu cheloveka i cheloveka kul'tury [Man's cultural endeavour and man's cultural milieu in rather indefinite terms]. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Etnologiya – antropologiya – kul'turologiya: novye vodorzhdely i perspektivy vzaimodeistviya"* [Proc. Int. Conf. "Ethnology – anthropology – culturology: new borderlines and prospects of interaction"], pp. 25-32.
2. Atkinson P., Coffey A., Delamont S. (2003) *Key themes in qualitative research*. Walnut Creek, CA.
3. Besnier N. (1992) Reported Speech among the Nukulaelae Atoll. In: *Responsibility and evidence in oral discourse*. Cambridge, pp. 161-181.

4. Bruner J. (1991) Narrative construction of reality. *Critical inquiry*, pp. 1-21.
5. Eckert P. (2000) *Linguistic variation as social Practice*. Malden, MA.
6. Frank A. (1995) *The Wounded Storyteller*. Chicago.
7. Gachev G. (2000) *Mental'nosti narodov mira* [Peoples' mentalities in the world]. Moscow: EKSMO Algoritm Publ.
8. Gogotishvili L.A. (2006) *Nepryamoe govorenie* [Indirect speaking]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ.
9. Heritage J. (1984) *Garfinkle and Ethnomethodology*. Cambridge.
10. Holstein J., Gubrium J. (2000) *The Self We Live By: Narrative Identity in a Postmodern World*. NY.
11. Jacobs R. (2000) Narrative Civil Society and Public Culture. In: *The Uses of Narrative: Explorations in Sociology, Psychology, and Cultural Studies*. New Brunswick, pp. 18-35.
12. Lekhtsier V.L. (2013) Narrativnyi povorot i aktual'nost' narrativnogo razuma [Narrative turn and relevancy of narrative mind]. *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniy kul'tury* [International journal of cultural research], 1 (10), pp. 5-8.
13. Lieblich A. (1994) Introduction. *Exploring Identity and Gender: Narrative Study of Lives*. Thousand Oaks, CA.
14. Mannheim B., Tedlock D. (1995) Introduction. In: *The dialogic emergence of culture*. Urbana, pp. 1-31.
15. Miller H. Narrative (1995) *Critical terms for literary study*. Chicago.
16. Makintair A. (2000) *Posle dobrodeteli* [After virtue]. Ekaterinburg: Delovaya kniga Publ.
17. Ochs E., Capps L. (2001) *Living Narrative: Creating Lives in Everyday Storytelling*. Cambridge, MA.
18. Ris A. (1999) *Nasledie kel'tov. Drevnyaya traditsiya v Irlandii i Uel'se* [Celtic heritage. Ancient tradition in Ireland and Wales]. Moscow: Enigma Publ.
19. Sacks H., Schegloff E., Jefferson G. (1974) A Simplest Systematics for the Organization of Turn-Taking in Convesation. *Language*, 50, pp. 696-735.
20. Tyupa V.I. (2002) Ocherk sovremennoi narratologii [An essay on present-day narratology]. *Kritika i semiotika* [Criticism and semiotics], 5, pp. 5-31.
21. Uspenskii B.A. (2000) *Poetika kompozitsii* [Poetics of composition]. Saint Petersburg: Azbuka Publ.